

Но ведь у каждого есть свои черты, у каждого живого лица есть свои особенности, есть своя манера поведения, есть нечто такое, что неотразимо входит в человеческую душу, и с чем человек живет и умирает. Может быть нет ли чего-то и в существе этого коллективного художника, не угадал ли он нечто такое, что своей выразительностью так неотразимо воздействует на тех, кто ему современен.

Художественный театр имеет мировую славу. Художественный театр стал почти живой формулой сценического искусства, он создал школу, он создал стиль. И все-таки из всего того что он сделал, самое огромное, пожалуй, это его личное влияние, его живое подлинное влияние как некоего лица. И когда всматриваешься в его черты, не кажется ли, что на них лежит печать бурных страстей, которые могут родиться под нашим небом, печать напряженной, тонкой мысли, печать загула, а в глазах искры юмора и хитрости.

Этот театр был всегда дерзким, в разные эпохи, в разных условиях, при разных обстоятельствах. И в первую минуту, когда появился он с „Чайкой“, и в дальнейшие этапы, и в постановках исторического характера он всегда был дерзок. Он никогда не был придворным, какими были раньше государственные театры. И это особое его качество пленяло. У него была своя особая манера воздействия на тех, кто приходил в его зал. У него был своеобразный прием воздействия, о котором нельзя не вспомнить именно сейчас.

В свое время он захотел, чтобы в его зрительном зале не раздавались аплодисменты. Таким способом он внутренне накалял зрителя, заставляя выходить его из своего зрительного зала воспламененным. И это был один из его путей к человеку. Замечательно, из кого бы ни состоял его зрительный зал, этот зрительный зал, в котором люди заставали друг друга сидящими молча, когда шел занавес, этот зрительный зал закипал, как взбаломченное море, выливаясь в коридоры и двери театра. Зритель уходил, вынося то, что было введено в него театром, вынося нажитое в зрительном зале уже в самую жизнь.

Разве это не тонкий прием, превращать и направлять человека, так накалить его, накалить до белого каленya, как это может сделать художник, и бросить его в живую жизнь?

У Художественного театра в его манере воздействия на зрителя есть еще один интереснейший прием. Он заставляет своего зрителя становиться острым и чутким, психологически напрягаться. Он заставляет зрителя быть обостренно чутким для того, чтобы вникнуть в ряд препятствий, преодолеваемых исполнителями. Своего рода нагруженность, психологическая затрудненность, в которые ставятся актеры, исполняющие отдельные образы, эта затрудненность заставляет зрительный зал вникать и думать. И зритель, непосредственно отдаваясь обаянию искренней игры исполнителей, напряженно внимателен.

Способ подачи текста и раскрытие его, которым идет Художественный театр, очень сложный. Пожалуй, психологический прием Художественного театра,—это способ жить душевной жизнью предреволюционного человека, человека, который ходил по длинным коридорам дома, запинался за пороги, путался в дверях и лестницах большого дома, ходил на антресоли, гулял по залам, глядел в окна, умел подолгу думать один.

Черты утрудненной и сложной психологии предреволюционного человека, который, прежде чем позволить себе высказывание, долго смотрит в себя и тогда только позволит себе сказать — это черты людей МХАТа. Смотрение в себя, прислушивание, когда шаги громко зазвенят, потому что сошел с ковра и пошел по паркету, напряженность, строгость к себе,—это все приспособления для решения сценических задач в Художественном театре.

Ритм жизни человека, идущего за сохой, ритм падающего снега, ритм того, как колосится рожь,—это ритм дореволюционной России. Несомненно, то был иной ритм, чем тот, с которым сейчас подлетает автомобиль, из которого выскакивает человек в кожаном пальто, но и этот ритм революционной России нужно уметь увидеть глазами той страны, над которой ползут серые тучи, падают листья осени. Нужно уметь выразить нашу революцию в тех условиях, в которых она живет, почувствовать людей, которые создали нашу революцию, которая имела своих отцов, дедов и прадедов.

Эстетика Художественного театра родилась от 770 лет города Москвы, от города, который состоит из кривых улиц, кривоколенных переулков и обладает своеобразной манерой быть. Художественный театр — театр слушающий природу; театр, приглядывающийся к людям своей страны; он слышит их голос потому, что он слушает. Но вот еще два, три приема, о которых я позволю себе упомянуть.

Художественный театр выхаживает в актере правдивость, но это пестование правды в актере связано с жесточайшим скептицизмом к тому, что может вызвать в себе своей правдой актер. И все же, раз в каждом моменте есть сомнение, раз каждый большой кусок тысячу раз проверяется, пытливо ищут, где таится ложь, где есть эта правда, когда так выхаживают актера, когда так воспитывают его, с таким трезвым скептицизмом подходят к его работе,—открывается неслыханно широкая дорога для творчества.

Художественный театр как бы облек всех своих актеров в некую униформу, если артисту не идет эта форма, он не может быть в Художественном театре.

Сдержаный тант исполнения характеризует Художественный театр. В сцене „Колокольни“ в „Бронепоезде“ и там живут обаятельность и тант. В Художественном театре внутренний образ выступает как главный предмет действия на сцене, внутренний образ есть